

В.М. Савицкий, О.В. Доладова

V.M. Savickij, O.V. Doladova

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара*

Samara State Social-Pedagogical University, Samara

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ВО ВЗГЛЯДАХ НА СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА ABOUT CONTRADICTIONS IN APPROACHES OF LANGUAGE SYSTEMNESS

Ключевые слова: система, структура, естественный язык, синтагматика, парадигматика, аддитивность, неаддитивность

Keywords: system, structure, natural language, syntagmatics, paradigmatics, additivity, non-additivity

В статье вскрывается ряд противоречий, которые наблюдаются в научных трудах, так или иначе затрагивающих вопрос о системности естественного языка. Кроме того, предлагается логически последовательное толкование системы и структуры естественного языка. Структуралистский подход к языку осмысливается на новых теоретических основаниях.

The authors reveal some contradictions that exist in certain research works concerning the problem of natural language system. They also offer a logically consistent definition of language system and structure. The structuralistic approach to natural language is viewed from a new theoretical standpoint.

Цитирование: Савицкий В.М., Доладова О.В. О противоречиях во взглядах на системность языка // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 35–44. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Citation: Savickij V.M., Doladova O.V. About contradictions in approaches of language systemness // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2017. № 1. P. 35–44. Rezhim dostupa: www.tverlingua.ru

В настоящее время никто из лингвистов не оспаривает утверждение о том, что естественный язык как целое и его отдельные участки имеют системный характер. С указания на это свойство языка начинается большое количество лингвистических работ. Но если у одних авторов этот тезис и в самом деле лежит в основе разворачиваемой аргументации, то у некоторых других провозглашение системности языка порой вступает в противоречие с положениями, выдвигаемыми в дальнейшем.

Отметим также, что в ряде трудов понятия «система языка» и «структура языка» разграничиваются нечетко, что приводит к недифференцированному употреблению терминов. Ср.: «Язык представляет собой *систему*, все части которой взаимосвязаны» (Юлдашев, 2009: 3). «Язык есть знаковая *структура*, с помощью которой осуществляется выражение некоторого мыслительного и предметного содержания» (Ф.

Кайнци; цит. по: Звегинцев, 2009: 6). Если принять оба этих определения, то различие между понятиями «система» и «структура» элиминируется.

Некоторые авторы меняют эти понятия местами. В подтверждение приведем определения: «Система – порядок, обусловленный закономерным расположением частей в определенной связи» (ТСУ). Здесь система определена так же, как обычно определяют структуру. «Структура представляет собою совокупность закономерно расположенных и функционирующих частей» (НСРЯ). Здесь структура определена так же, как обычно определяют систему. Кроме того, этим понятиям иногда даются слишком широкие дефиниции, не позволяющие отграничить их от смежных понятий. В частности, языковая система понимается как «закономерно организованная совокупность ... языковых элементов» (РЯЭ) или как «упорядоченная совокупность смысловых ... и смыслоразличительных единиц ... и правил их соединения» (Ветров, 1988: 186). Однако так можно назвать не только систему, но и комплекс, комплект, агрегат, набор, гарнитур, ансамбль и другие подобные объекты, которые по степени своей упорядоченности могут не дотягивать до статуса системы.

Что касается структуры, она трактуется многими исследователями как «строение, расположение, упорядоченность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» (ССФ). Но это слишком широкая и не вполне определенная дефиниция. Помимо термина структура, под нее подпадают и другие названия – такие, как внутреннее строение, внутренняя организация, строй, уклад, регламентированность, гармония, устар. лад, чин, склад (в значении «порядок») и др. Структура в строгом значении – это далеко не всякая упорядоченность. Чтобы дать точное определение структуры, необходимо принять во внимание качественные и количественные особенности именно этого вида упорядоченности.

Расхождения в толковании понятий «система» и «структура», неопределенность в их трактовке вызывают необходимость разработать их строгие и непротиворечивые, соотносимые друг с другом определения, выявить их категориальные признаки и характер их взаимной корреляции. В этих целях проследим становление и развитие этих понятий.

Любые изыскания, направленные на установление закономерностей устройства и функционирования объекта, есть системно-структурный анализ. На протяжении всей истории лингвистики ученые выявляли регулярности в устройстве языка, тем самым очерчивая контуры его системы, хотя в отдаленные эпохи еще не было ни терминов структура и система, ни понимания языка как строго организованного целого. Это понимание мало-помалу формировалось в представлениях лингвистов, пока, наконец, В. фон Гумбольдт не выразил его ясно и недвусмысленно.

Гумбольдт назвал цель изучения языка – выявление закономерных отношений и связей между языковыми единицами. Он указал, что особенности языка как целого обнаруживаются путем анализа его внутренней организации: «В языке нет ничего единичного, каждый его элемент проявляет себя лишь как часть целого» (Гумбольдт, 1984: 308). Во

взаимосвязи значений и смыслов, в совокупности образующих семантику языка, проявляются коллективный интеллект и «дух народа».

Гумбольдт уподобил язык «широкой ткани, в которой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими. Пользуясь языком в каком бы то ни было отношении, человек всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступает при этом так, как будто бы в ту же минуту он имел перед глазами всё, с чем часть эта состоит в неизбежной связи и во внутренней гармонии» (Гумбольдт, 1984: 310).

Гумбольдт сравнивал язык не только с тканью, но и с живым организмом. Эта метафора применялась им фактически в том же значении, в котором позже начал использоваться термин *система*, еще не имевший широкого хождения в XVIII – XIX веках. В. фон Гумбольдт был предтечей возникновения системно-структурного анализа языка.

В аналогичном смысле название *организм* применял к языку А. Шлейхер, глава натуралистического направления в лингвистике. Он утверждал: «Все языки, которые мы прослеживаем на протяжении длительного времени, дают основание для заключения, что они находятся в постоянном и непрерывном изменении. Языки, образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они делятся на роды, виды, подвиды и т.д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам» (Шлейхер, 1956: 100).

А. Шлейхера критиковали за натуралистический и биологизаторский подход к языку – ведь он утверждал, что естественный язык представляет собой не социальный и не культурный, а природный феномен. Упреки в его адрес высказывали крупные ученые. «Причислять язык к организмам, языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки», – считал И.А. Бодуэн де Куртенэ (1963: 349). «Шлейхер насиловал реальность, рассматривая язык как нечто органическое», – утверждал Ф. де Соссюр (2007: 250).

Но, оценивая взгляды Шлейхера с современных позиций, мы убеждаемся, что эта критика была не во всем справедливой. Судя по всему, в определение *природный* применительно к языку немецкий ученый вкладывал примерно тот же смысл, который ныне вкладывается в термин *естественный язык*. Н.В. Крушевский пояснил это словоупотребление: «В языке действуют законы, совершенно тождественные с законами, действующими в других сферах существующего, то есть так называемые законы природы, не допускающие исключений и отклонений» (Березин, 1973: 408).

В толковом словаре прилагательные *естественный* и *природный* имеют одинаковую дефиницию – «относящийся к природе» (ТСРЯ), включая сюда природу (натуру) человека. *Природный / естественный* в широком понимании значит «появившийся спонтанно в процессе эволюции». Именно так, по данным науки, появились естественные языки.

Проанализировав это высказывание А. Шлейхера, мы пришли к выводу, что, рассуждая о языке как о природном (естественном) явлении, он

подразумевал вовсе не то, что язык является в буквальном смысле живым существом, состоящим из белков, жиров и углеводов, а только то, что человеческие языки, подобно биологическим организмам, эволюционируют по законам развития, имеют сложное иерархическое строение, происходят один от другого и характеризуются наличием родства друг с другом.

По нашему мнению, это не «биологизаторство», а вполне правомерная аналогия между языком и биологическими объектами. Она была популярна в XIX веке вследствие того, что в те времена биология сделала мощный рывок, стала одной из самых приоритетных наук и «на протяжении длительного времени конкурировала с лингвистикой в роли поставщика моделей описания» (Васильева, 2010: 97). В частности, с легкой руки И.В. Гёте термин *морфология* (от греч. *morphe* ‘форма’, *logos* ‘учение’) перешел в лингвистику и другие гуманитарные науки из биологии, где он обозначает учение о формах живых организмов. На биологической аналогии основаны и наименования *живые / мертвые языки, молодые / старые языки, родство языков, языки-предки / потомки, дочерние языки, языковые семьи, языковые гибриды* и др., и никто не считает это «биологизацией» языка.

Биологические параллели проводились по-разному. В. фон Гумбольдт употреблял словосочетание *языковой организм* как метафору, тогда как А. Шлейхер применил прием семантического расширения термина *организм* – прием, широко практикуемый в науке. В объем понятия ‘организм’ Шлейхер включал не только живые существа, но и любые объекты, для которых характерна прочная взаимозависимость всех компонентов, обуславливающая идентичность объекта и главенствующая над свойствами компонентов. Исходя из содержания работ А. Шлейхера, можно, на наш взгляд, заключить, что именно это значение он придавал термину *языковой организм*. Позднее возникли его аналоги, которые в большей мере соответствовали духу исследований следующей эпохи.

Так, в 1883 г. Н.В. Крушевский (соврем. изд. 2011) отметил, что язык есть одно гармоническое целое. В 1901 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ (соврем. изд. (1963)), один из основоположников системного подхода к языку, употребил название *обобщающая конструкция языка*. Это было уже близко к названиям *языковой механизм* (В. Вундт, Г. Шухардт, К. Фосслер и др.) и, наконец, *языковая система* (Ф. де Соссюр и его последователи).

В XX столетии, которое ознаменовалось бурным развитием техники, биологическим аналогиям в лингвистике пришли на смену технические. Термин *языковой организм* был постепенно вытеснен термином *языковой механизм*. При этом не подразумевалось, что язык является механизмом в буквальном смысле, т.е. металлической машиной, состоящей из рычагов и шестеренок. Структуралисты и генеративисты абстрагировались от субстанции (материала, из которого состоит объект) и рассматривали чистую форму (строение объекта). Этот абстрактный взгляд на вещи позволил проводить аналогии между объектами любой природы – биологическими, техническими, лингвистическими и др. Поэтому во второй половине XX века уже не вызвало удивления то, что Н. Хомский (рус. пер., 2-е изд. Хомский,

1999) назвал грамматику автоматом, генерирующим все правильные и только правильные предложения на том или ином естественном языке.

Что касается слова *система* (от греч. *systema* 'что-то составленное из частей', восходящего к индоевр. **sta-* 'стоять'), оно употреблялось еще античными философами, но в те времена оно имело несколько расплывчатое значение «множество, объединение, союз». И только в XIX в. французский физик С. Карно стал использовать это слово в строгом значении, близком к нынешнему, и терминологизировал его (см. об этом: (Храмов, 1983: 27)).

Термин *система* постепенно приобрел широкое хождение в трудах лингвистов начиная с 1916 г., после первой публикации работы Ф. де Соссюра «Cours de linguistique générale». В ней прямо сказано: «Язык есть система знаков» (Соссюр, 2007: 26). Описывая отношения и связи в естественном языке и выявляя закономерности в этой сфере, де Соссюр еще не употреблял термин *структура*, позже легший в основу наименования мощного лингвистического направления XX века – структурализма.

Термин *структура* (от лат. *structura* 'строение' < *struere* 'строить') вошел в широкий научный обиход по инициативе представителей Пражской школы, следовавших неопозитивистской тенденции XX века – концентрации внимания на строении изучаемых объектов в синхронии. Но и пражцы пока еще не проводили отчетливого разграничения между системой и структурой.

Первыми, кто отвлекся от элементов и сконцентрировал внимание на отношениях и связях между ними, были основатели глоссематики. Языковой структурой они называли «чистую схему» языка, абстрагировавшись как от субстанции плана содержания, так и от субстанции плана выражения (Ельмслев, 2006). Копенгагенские структуралисты, по существу, создали и обосновали нынешнее толкование понятий «структура» и «система».

По нынешним представлениям, возникшим в русле теории систем, системой является не всякая упорядоченная совокупность объектов, а в высшей степени упорядоченная совокупность, которая вследствие перехода количества в качество превратилась из множества объектов в новый целостный объект.

По А. Лаланду, любой элемент системы прямо или опосредованно связан с любым другим элементом и «является самим собой только в составе данной целостности» (цит. по: (Бенвенист, 1974: 64)).

Элементы системы объединены друг с другом зависимостями, к числу которых относятся связи и отношения. Они в своей совокупности образуют структуру объекта. Лишь тот объект, чье внутреннее строение представляет собой структуру, является системой.

Те совокупности элементов, которые не отвечают критерию Лаланда, не обладают собственной структурой; совокупность связей и отношений между их частями следует именовать не структурой, а строением, устройством, внутренней организацией, упорядоченностью и т.п.

Во всякой системе структура главенствует над элементами, определяет их свойства и их место в системе. «Большое заблуждение рассматривать слово просто как соединение какого-то звучания с каким-то понятием, –

писал де Соссюр. – Определять слово подобным образом – значит изолировать его от системы, часть которой оно составляет; это означало бы, что, отправляясь от отдельных слов, можно построить систему как их сумму, тогда как на самом деле, наоборот, следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа дойти до составляющих его элементов» (Соссюр, 2007: 153). Это утверждение легло в основу общепринятого понимания терминов система языка и структура языка.

Древнекитайский мыслитель Лао Цзы сказал: «Когда я разъял мир на части, я перестал понимать действие его законов» (цит. по: (Маслов, 2005: 18)). Этот тезис можно переформулировать в современных терминах: законы мироздания можно понять лишь в том случае, если рассматривать мир не как сумму отдельных объектов, а как сложную самоорганизующуюся систему, обладающую такими свойствами, которые не присущи ее отдельным частям.

Помимо суммы своих элементов, система располагает чем-то сверх этого – признаками, которые называются неаддитивными свойствами системы и противопоставляются ее аддитивным свойствам (от лат. *additio* «сложение, прибавление»). «Под аддитивностью понимается свойство величин, состоящее в том, что значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин» (ФАИТС).

Соответственно, неаддитивность подразумевает, что целое больше суммы частей. «В сложных целостных объектах наряду с аддитивными имеются неаддитивные свойства, которые определяют специфику таких объектов, характеризуют их целостность. Неаддитивность выражается формулой «целое больше суммы частей».

Наличие неаддитивных свойств (их также называют эмерджентными) «обусловлено структурными связями и зависимостями между частями организованностью целого ... Целое, обладающее эмерджентными свойствами, не может быть познано и объяснено на основе одних только знаний о его частях» (ФЭС).

В естественном языке примером неаддитивного свойства системы может служить приращенный (компликативный) смысл, присущий многим языковым единицам. Он дополнителен к сумме значений составных частей языковой единицы. Так, английский юридический термин *deed of trust* имеет буквальное значение «акт доверия», представляющее собой сумму значений лексем, но в этом значении он не употребляется в юридическом дискурсе. Это значение играет роль внутренней формы данного термина, а его реальное значение таково: «передача распоряжения собственностью от доверителя доверенному лицу (попечителю) с целью выполнения финансовых или иных обязательств» (АРЮС). Как видим, к сумме значений лексем добавлен большой объем содержания. Это и есть приращенный смысл термина.

В рамках системы структура в столь значительной мере господствует над элементами и в столь большой степени детерминирует ее идентичность, что термин система порой метонимически подменяется термином структура. В частности, ходовыми являются наименования теневые структуры,

властные структуры, коммерческие структуры, криминальные структуры и т.д., хотя имеются в виду соответствующие системы.

Система, элементы и структура соотносятся следующим образом: система – это элементы, объединенные структурой; структура – это система за вычетом элементов; элементы – это система за вычетом структуры.

Структура складывается из зависимостей между ее элементами. Эти зависимости делятся на отношения и связи.

Не все признают разницу между отношениями и связями. Целый ряд ученых полагает, что это одно и то же; они употребляют эти термины как взаимозаменяемые синонимы. В доказательство приведем дефиниции:

«Отношение – взаимная связь предметов, действий, явлений» (ТСРЯ).

«Связь – взаимные отношения между кем-л., чем-л.» (НСРЯ).

Судя по этим дефинициям, связь определяется как отношение, а отношение, в свою очередь, – как связь. Но если бы понятия «отношение» и «связь» были тождественны, то не было бы оснований для использования двух терминов – достаточно было бы какого-либо одного из них. Многие другие учитывают разницу между отношениями и связями, но понимают эту разницу неодинаково. Мы исходим из следующего толкования.

Отношение – это нелинейная зависимость между элементами, в основе которой лежит логическая дизъюнкция; соответствующее множество есть упорядоченный набор элементов.

Связь – это линейная зависимость между элементами, в основе которой лежит логическая конъюнкция; соответствующее множество представляет собой последовательность (цепь) элементов.

В лингвистике комплекс отношений между языковыми единицами зовется парадигматикой, а комплекс связей – синтагматикой. Множество, которое упорядочено регулярными **отношениями** между элементами, называется парадигмой, а множество, упорядоченное регулярными **связями** между элементами, именуется синтагмой.

Обратимся далее к вопросу о критериях системности. Системный характер анализируемого объекта отнюдь не всегда очевиден. Для того чтобы именоваться системой, объекту нужно отвечать вышеописанным требованиям. В том случае, если объект соответствует не всем требованиям, его можно называть упорядоченной совокупностью, набором, комплексом, комплектом, агрегатом и т.п., но не системой.

По степени упорядоченности объекты могут быть расположены на шкале. Одним из ее полюсов выступает хаотическое (неупорядоченное) множество, а на другом находится система – максимально упорядоченное множество. Но и системность представляет собой градуальную категорию; системы варьируют по жесткости своей внутренней организации.

Естественный язык обладает типологическими признаками, которые определяют его место в ряду систем. Естественный язык – это материально-идеальная, динамическая, открытая, саморегулирующаяся, функциональная, сложная (иерархическая) система.

Итак, мы предприняли усилия по преодолению некоторых противоречий, наблюдаемых в лингвистической системологии, и предложили логически последовательное толкование понятий ‘система языка’ и ‘структура языка’.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания. – М.: Высшая школа, 1973. – 504 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Избранные труды по общему языкознанию. Том II. – М.: АН СССР, 1963. – С. 67–95.
4. Васильева Г.М. Гёте о морфологии языка // Гуманитарный вектор. – № 2 (22). – 2010. – С. 96–98.
5. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Наука, 1988. – 263 с.
6. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – С. 307–323.
7. Звегинцев В.А. Очерки по языкознанию. – М.: Либроком, 2009. – 384 с.
8. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – М.: ЁЁ Медиа, 2011. – 173 с.
9. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – СПб.: Академия, 2005. – 304 с.
10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: URSS, 2007. – 257 с.
11. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. – 257 с.
12. Храмов Ю.А. Карно Никола Леонард Сади // Физики: Биографический справочник. – М.: Наука, 1983. – 400 с.
13. Шлейхер А. Теория Дарвина в ее применении к языку // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. Том I. – М.: Учпедгиз, 1956. – 458 с.
14. Юлдашев Н.Ю. Понятие “структура” в лингвистике // Системная лингвистика. Курс лекций. Нукус: изд-во Каракалпакского гос. университета, 2009. – С. 3–7.

Список словарей

1. АРЮС – Англо-русский и русско-английский юридический словарь / К.М. Левитан, О.А. Одинцова, С.В. Павлова. – М.: Проспект, 2016. – 512 с.
2. НСРЯ – Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
3. РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия / Ю.Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
4. ССФ – Словарь-справочник по философии / Т.Б. Сергеева. – Ставрополь: изд-во СтГМА, 2009. – 388 с.

5. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Темп, 2004. – 874 с.
6. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков (ред.). – Том 4. – М.: Русские словари, 1995. – 754 с.
7. ФАИТС – Физическая антропология. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2017. – Режим доступа: <http://antropology.Academic.ru/534/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.02.17.
8. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский (сост.). – М.: ИНФР -М, 2009. – 569 с.

(0,6 п.л.)

References

1. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika. – М.: Progress, 1974. – 448 с.
2. Berezin F.M. Hrestomatija po istorii russkogo jazykoznanija. – М.: Vysshaja shkola, 1973. – 504 s.
3. Bodujen de Kurtenje I.A. Jazyk i jazyki // Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju. Tom II. – М.: AN SSSR, 1963. – S. 67–95.
4. Vasileva G.M. Gjote o morfologii jazyka // Gumanitarnyj vektor. – № 2 (22). – 2010. – S. 96–98.
5. Vetrov A.A. Semiotika i ee osnovnye problemy. – М.: Nauka, 1988. – 263 s.
6. Gumboldt V. fon. O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitija // Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – М.: Nauka, 1984. – S. 307–323.
7. Zvegincev V.A. Oчерki po jazykoznaniju. – М.: Librokom, 2009. – 384 s.
8. Krushevskij N.V. Oчерk nauki o jazyke. – М.: JoJo Media, 2011. – 173 s.
9. Maslov Ju.S. Vvedenie v jazykoznanie. – SPb.: Akademija, 2005. – 304 s.
10. Sossjur F. de. Kurs obshhej lingvistiki. – М.: URSS, 2007. – 257 с.
11. Homskij N. Aspekty teorii sintaksisa. – Blagoveshensk: BGK im. I.A. Bodujena de Kurtenje, 1999. – 257 s.
12. Hramov Ju.A. Karno Nikola Leonard Sadi // Fiziki: Biograficheskij spravochnik. – М.: Nauka, 1983. – 400 s.
13. Shlejher A. Teorija Darvina v ee primenenii k jazyku // Hrestomatija po istorii jazykoznanija XIX-XX vekov. Tom I. – М.: Uchpedgiz, 1956. – 458 s.
14. Juldashев N.Ju. Ponjatие “struktura” v lingvistike // Sistemnaja lingvistika. Kurs lekcij. Nukus: izd-vo Karakalpakskogo gos. universiteta, 2009. – S. 3–7.

Dictionaries

1. ARJuS – Anglo-russkij i russko-anglijskij juridicheskij slovar / K.M. Levitan, O.A. Odincova, S.V. Pavlova. – М.: Prospekt, 2016. – 512 s.

2. NSRJa – Novyj slovar russkogo jazyka: tolkovo-slovoobrazovatelnyj / T.F. Efremova. – M.: Russkij jazyk, 2000. – 1084 s.
3. RJaJe – Russkij jazyk. Jenciklopedija / Ju.N. Karaulov. – M.: Drofa, 1997. – 721 s.
4. SSF – Slovar-spravochnik po filosofii / T.B. Sergeeva. – Stavropol: izd-vo StGMA, 2009. – 388 s.
5. TSRJa – Tolkovyj slovar russkogo jazyka / S.I. Ozhegov. – M.: Temp, 2004. – 874 s.
6. TSU – Tolkovyj slovar russkogo jazyka / D.N. Ushakov (red.). – Tom 4. – M.: Russkie slovari, 1995. – 754 s.
7. FAITS – Fizicheskaja antropologija. Tolkovyj slovar [Elektronnyj resurs]. – Elektron. dannye. – 2017. – Rezhim dostupa: <http://antropology.Academic.ru/534/>, svobodnyj. – Zagl. s ekrana. – Jaz. angl., 20.02.17.
8. FJeS – Filosofskij jenciklopedicheskij slovar / E.F. Gubskij (sost.). – M.: INFR -M, 2009. – 569 s.

Сведения об авторах:

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета. lampasha90@mail.ru

Доладова Ольга Владимировна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета. Doladova@gmail.com

Savickij Vladimir Mihajlovich, doctor of philological Sciences, professor, professor of the department of English philology and intercultural communication of Samara State Social-Pedagogical University. lampasha90@mail.ru

Doladova Olga Vladimirovna, post-graduate student of the department of English philology and intercultural communication of Samara State Social-Pedagogical University. Doladova@gmail.com